

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации на соискание

ученой степени доктора исторических наук

Шараповой Светланы Владимировны

на тему: «Население лесостепного Зауралья и Западной Сибири

в V в. до н.э. – III в. н.э. (по материалам погребальных памятников)»

по специальности 5.6.3 – Археология

Многолетние исследования памятников раннего железного века лесостепи Зауралья и Западной Сибири позволили, казалось бы, достаточно полно охарактеризовать материальную культуру, хозяйство, внешние связи населения этого обширного региона, носителя различных культурных традиций, его происхождение, социальную структуру, исторические судьбы. Однако, появление нового фактического материала, междисциплинарный подход, набирающий популярность в археологических исследованиях, а также успехи палеоантропологии и палеогенетики, побуждают пересмотреть ряд уже устоявшихся представлений. Одним из перспективных направлений в дальнейшем развитии междисциплинарных исследований выступает биоархеология, которая дает возможность на основе комплексного изучения погребальных памятников реконструировать не только структуру социума, но и историю жизни отдельно взятого человека – особенности его происхождения, образа жизни, социального положения и т.п. Поэтому биоархеологическая характеристика древнего населения лесостепи Зауралья и Западной Сибири через изучение остатков его материальной культуры, уточнение его происхождения и связей, предпринятая С.В. Шараповой, представляется весьма актуальной.

Новизна диссертационного исследования С.В. Шараповой бесспорна и заключается в том, что, во-первых, погребальные памятники лесостепи Зауралья и Западной Сибири раннего железного века впервые стали предметом междисциплинарного изучения в широком территориальном и хронологическом диапазоне, охватывающем время существования саргатской культуры на всём занимаемом ею пространстве. Во-вторых, новизна исследования заключается в

развитии биоархеологического направления в изучении древних культурных образований зауральско-западносибирской лесостепи.

На защиту автором выносятся семь положений, которые обосновываются в диссертации на основании тщательного и всестороннего анализа обширного круга источников и литературы по археологии и палеоантропологии населения лесостепи Зауралья и Западной Сибири раннего железного века. Следует отметить, что материалы по десяти могильникам Притоболья этого времени получены непосредственно автором или при её участии.

Основательность подхода С. В. Шараповой к проработке большинства затронутых аспектов заявленной темы свидетельствует о её высоком научном профессионализме. Достоверность основных выводов и результатов диссертационного исследования не вызывает сомнения и подтверждается как обширной источниковой базой, так и корректным использованием научных подходов, среди которых особое место занимает междисциплинарный с привлечением широкого круга естественно-научных данных.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования заключается, прежде всего, в развитии биоархеологического направления в изучении населения Зауралья и Западной Сибири эпохи поздней древности. Кроме того, автор уточняет верхнюю хронологическую границу саргатской археологической культуры, синхронизирует группу погребений с деформированными черепами с позднесарматскими памятниками Южного Приуралья, предлагает считать находки оружия в саргатских погребениях социальным маркером, а не показателем воинственности общества.

Диссертация С. В. Шараповой может выступать в качестве примера весьма удачного биоархеологического исследования, основанного на междисциплинарном подходе к археологическому материалу. Следует подчеркнуть, что древности лесостепи Зауралья и Западной Сибири раннего железного века в масштабах всего региона впервые стали предметом междисциплинарного изучения. Его результаты могут быть использованы при подготовке обобщающих научных работ, учебных пособий и лекционных курсов

по археологии и древней истории Зауралья и Западной Сибири, в музейной и просветительской работе.

Структура диссертации, на наш взгляд, логична, последовательна и полностью соответствует требованиям квалификационной работы. Диссертация состоит из двух томов. Первый том включает введение, четыре главы, заключение, список источников и литературы. Второй том содержит иллюстрации.

В соответствии с требованиями во введении убедительно обоснована актуальность избранной темы, ее новизна, определены цель, задачи, объект и предмет исследования. Здесь же даны географические и хронологические рамки работы, кратко охарактеризованы источниковая база, методологическая основа и основные методы исследования. Во введении также представлены положения, выносимые на защиту и определена научная значимость и практическая ценность диссертации.

Диссертанту в полной мере удалось реализовать поставленные в исследовании цель и задачи, что нашло отражение в структуре диссертации, а также логичности и аргументированности выводов.

Результаты диссертационного исследования прошли достаточную апробацию на российских и международных научных конференциях, были представлены на заседаниях Центров археологии и этнографии ИИиА УрО РАН, Отдела теории и методики ИА РАН, кафедры археологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Итоги многолетних исследований автора и основные положения диссертации отражены в 67 печатных работах на русском, английском, немецком и французском языках, в том числе в 35 публикациях в ведущих рецензируемых изданиях (перечень МГУ, WoS, Scopus, RSCI, Перечень ВАК), в авторской монографии и главы (раздела) в восьми коллективных монографиях, изданных в России и за рубежом.

Содержание автореферата полностью соответствует основным положениям диссертации.

При безусловном принятии основных положений исследования и его общей положительной оценки отметим, что диссертация С. В. Шараповой не

свободна от некоторых дискуссионных моментов и неточностей, что вполне объяснимо для работы такого масштаба.

На с. 7 первого тома диссертации С. В. Шарапова утверждает: « В раннем железном веке в лесостепи Зауралья и Западной Сибири (рис. 1) обитало население, чьи древности в археологической систематике именуется саргатской культурой». Носиловские, баитовские, воробьевские, иткульские, гороховские, кашинские, прыговские памятники автор упоминает на с. 8. В итоге, создается не совсем верное впечатление об абсолютном преобладании в исследуемом регионе памятников саргатской культуры.

В параграфе 2 главы 1 С. В. Шарапова, характеризуя вклад исследователей XVIII–XIX вв. в изучение западносибирских древностей, почему-то ссылается не на их работы (не на первоисточник), а на исследования авторов XX века, таких как Е. М. Берс, К. В. Сальников, В. А. Борзунов и др.

В параграфе 1 главы 2, описывая границы распространения саргатских памятников применяются топонимы (устье Тобола, лесная зона по Иртышу, среднее течение р. Омь, Мясогутовская лесостепь). Но, только для южной границы используются географические координаты – «южная граница саргатской территории проходит в казахстанских степях примерно по 55° с.ш.» (с. 85). В чём причина такой избирательности – не ясно.

Характеризуя процессы происходящие в лесостепи Зауралья и Западной Сибири в конце V–IV вв. до н. э., С. В. Шарапова приводит высказывание Н. П. Матвеевой: «Затем происходит «постепенное вытеснение саргатским населением аборигенного, вплоть до изгнания военной силой» [Матвеева, 2017. С. 12]». И далее диссертант замечает: «К сожалению, аргументов в пользу такого радикального развития событий не приводится. В этой связи необходимо подчеркнуть, что на сегодняшний день в археологии раннего железного века лесостепи Зауралья и Западной Сибири нет убедительных данных, которые бы демонстрировали сложность или конфликтность интеграционного процесса, приведшего и к появлению саргатской культуры, и к сложению общности» (с. 176–177).

На наш взгляд о «сложности или конфликтности интеграционного процесса» свидетельствует движение гороховского населения на запад, на территорию, занимаемую племенами иткульской и гамаюнской культур (восточные склоны Урала и его горно-лесные районы). Это движение документируется появлением гороховской керамики в верхних слоях иткульских и гамаюнских памятников, курганов или бескурганых погребений гороховской культуры (иногда непосредственно на иткульских памятниках) на восточном склоне Урала [Могильников, 1973. С. 176; Бельтикова, 1980. С. 8–11; 1988. С. 107; Шорин, 1979. С. 57, 58; Борзунов, 1992. С. 97].

Часть гороховских племен, включив в свой состав отдельные группы иткульского, гамаюнского и воробьевского населения Зауралья, продолжила свой путь на запад и осела на правобережье среднего течения реки Белой, оттеснив, а частично и ассимилировав местные племена (гафурийская группа памятников). Другая же группа оказалась в Северо-Восточной Башкирии (Айская группа памятников) [Пшеничнюк, 1971. С. 91; 1973. С. 231, 232, 236; 1976. С. 129–131; Борзунов, Новиченков, 1988. С. 95; Гарустович, Лебедев, 1995. С. 59; Матвеева, 1991а. С. 161]. Определенное влияние пришлые зауральские лесостепные племена оказали и на сложение кара-абызской культуры [Пшеничнюк, 1976а. С. 14; 1981. С. 91; Борзунов, 1992. С. 97].

В Зауралье ареал гороховской культуры в конце V – начале IV вв. до н. э., по-видимому, несколько смещается к югу, захватывая северную часть южной лесостепи (южнее реки Миасс), где до этого в VII–V вв. до н. э. фиксируются лишь памятники кочевого населения. В результате этого процесса здесь появляются не только погребальные комплексы смешанного характера, к примеру причелябинская группа курганов [Мошкова, 1969. С. 146, 147], но и типично гороховские погребения [Терехова, Чемякин, 1983. С. 129–133]. О движении «гороховцев» за пределы Притоболья свидетельствует и распространение каменных плит с изображением головы барана. На Южном Урале они найдены близ города Троицка [Сальников, 1964. С. 313], у села Красный Огородник на Сундуке, у села Камардиновка на реке Ток в Оренбуржье [Смирнов, 1964. С. 165], в деревне Бекешево Баймакского района Башкирии [Матвеева Г.И., 1972. С. 261].

Следует отметить, что Камардиновский жертвенник, также как и жертвенники, найденные в лесостепном Зауралье, связан не с погребением, а с жертвенным или культовым местом. Изготовлен он из серого мелкозернистого песчаника, встречающегося в Южном Зауралье [Трегубов, 2000. С. 65]. С этим же процессом связывают распространение в Зауральской Башкирии (Переволочан, курган 10) и на Илеке (Филипповка, курган 7) панцирей с костяными пластинами [Васильев, Пшеничнюк, 1994. С. 126].

Очевидно, что конфронтация саргатского и гороховского населения вызвала возрастание роли войны и военного сословия в жизни лесостепных обществ. Свидетельством этого являются бронзовые литые фигурки воинов гороховской культуры (Сапоговский клад, Элеватор, Карино) [Таиров, Шапиро, 2024]. Анализ изотопного состава кислорода фосфатов костей человека из могильника Покровка на Илеке в Южном Приуралье выявил его значительное отклонение от нормы. Это обстоятельство позволило сделать вывод, что «исследованные индивидуумы принадлежат пришельцам предположительно из южной части Западной Сибири. Следовательно, подтверждается гипотеза об участии пришлого населения из лесостепных районов Западной Сибири в формировании племен прохоровской культуры (ранние сарматы) на Южном Урале [Среда обитания..., 2002. С. 113, 119].

Касаясь вопроса о воинственности женщин у сарматов Южного Приуралья С. В. Шаропова отмечает: «Е. Б. Шевченко также не удалось найти ни одного бесспорного доказательства, свидетельствующего о воинственности женщин кочевых племен на территории Южного Приуралья [Шевченко, 2013]». Однако, по подсчетам Н. А. Берсеневой женские захоронения с оружием составляют около 12 % всех известных сарматских женских погребений Уральского региона. Причем в ряде случаев вместе с ним положены колчаны, содержащие более сотни стрел [Берсенева, 2022]. Таким образом, можно предположить, что часть сарматских женщин могла быть тренирована в качестве лучниц и каким-то образом принимать участие в военных действиях или рейдах [Берсенева, Таиров, 2023]

Не можем мы согласиться и с тем, что «культура» и «общность» используются автором в ряде случаев как синонимичные понятия (с. 93).

Вызывают вопросы и некоторые неудачные, на наш взгляд, стилистические построения автора. Так, последний абзац на с. 92 диссертант начинает предложением: «Оба термина нельзя безоговорочно признать удачными». О каких терминах идет речь становится понятным лишь к концу третьего предложения этого абзаца.

Не ясно, что хотел сказать диссертант утверждением «Различные сооружения из древесины или иной растительности подобны тем, что обнаружены в комплексах гороховской культуры (рис. 97, 99, 103)» на с. 116.

Присутствуют в работе и досадные несоответствия. Так рисунок 111-А, согласно тексту, должен иллюстрировать «скорость стирания зубов саргатского населения» (с. 238). Однако, в томе 2 рис. 111-А показывает «возможные последствия вывиха левой плечевой кости» индивидуума погребения 7 кургана 1 могильника Коконовка 2. Рисунок 43-12 должен иллюстрировать «пряжки с округлой рамкой и подвижным язычком» (с. 162), но в томе 2 на рис. 43 показаны план и профиль кургана 2 могильника Сопининский 1, а также фото его южной подкурганной площадки.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.3 – Археология (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Шарапова Светлана Владимировна заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3 – Археология.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук,
директор Научно-образовательного
центра евразийских исследований
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Южно-Уральский государственный универс
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»
Таиров Александр Дмитриевич
22 августа 2024 г.

Контактные данные:

тел.: +7(902)6127065, e-mail: tairov55@mail.ru
Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:
00.07.06 – Археология

Адрес места работы:

454080, Российская Федерация, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76,
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)», Научно-образовательный центр
евразийских исследований
Тел.: +7 (351) 267-99-00 ; +7 (351) 267-91-45, e-mail: info@susu.ru

ВЕРНО
Ведущий док
О.В. Брюхова